

## От философии природы к новой материалистической политике

Одним из центральных аспектов современной теории становится тесное взаимодействие гуманитарных, социальных и естественных наук на фоне повсеместно утверждаемого материалистического поворота. Философия привносит в этот диалог наук и дисциплин новую повестку, цель которой состоит в том, чтобы преодолеть разрыв между научной онтологией и философской эпистемологией. Преодоление этого разрыва сближает актуальные исследования в науке и технике с переосмыслением исторического процесса в перспективе нечеловеческого: история человечества должна быть приведена в соответствие с историей вещей, а история — с историей Земли. Классическое понятие природы, которое подвергается критике в силу своей укорененности в идеалистической традиции с характерной для нее системой противоположностей и общей антропоцентрической перспективой, сегодня становится предметом серьезных дискуссий: возможно, в современном контексте более целесообразно говорить о геофилософии как о пункте соперничества между различными типами материализмов.

Термин «геофилософия» заимствован у Жюлья Делеза и Феликса Гваттари, которые вводят его для обозначения пространственной модели имманентного мышления, устанавливающей взаимосвязь между территорией и Землей. Это располагает философию между политической экономией, антропологией, географией, а также науками о Земле и другими подобными дисциплинами. В рамках этой корреляции нечеловеческие формы жизни и неживая материя включены в исторический процесс, который отныне мыслится не как последовательность стадий развития человеческих обществ, а как серия геологических эпох. Термин «антропоцен», происходящий из экологии и атмосферной химии, трансформировался в мощный междисциплинарный концепт, оспариваемый со стороны различных альтернатив: от «новацена» до «капиталоцена», «плантациоцена», «ктулхуцена» и прочих.

В геофилософии экономика сталкивается с экологией. Это дает возможность рефлексии над своего рода планетарной

политикой — «планетарной» в данном случае не означает «глобальной» или «интернациональной», речь идет скорее о межвидовой политике. Более того, ставка сделана на политику на уровне биосферы, ноосферы или техносферы, включающей в себя всех земных существ и материю: животных, растения, людей, горы, звуки, вирусы, искусственный интеллект и так далее. Материалистический поворот позволяет переосмыслить политическое участие в терминах нечеловеческого коллектива, парламентов вещей, демократий объектов, онтологических дипломатий, солидарности с нечеловеческими народами и эко-справедливости.

Необходимость геофилософской реконцептуализации спровоцирована реальностью климатических изменений. Дело не в том, что этой реальности не существовало прежде: опасности парникового эффекта, усиленные выбросами углерода и другими факторами промышленного прогресса, уже обозначались учеными в 1960-е. Однако серьезное отношение к этим опасностям со стороны широкой общественности и даже со стороны государств и корпораций возникло не так давно. Дискурс антропоцена — это критический дискурс. Он провозгласил наступление новой геологической эры, отмеченной вторжением человеческих технологий, которые явным образом дестабилизировали жизнь на планете. То, что принято называть прогрессом, оказывается ничем иным, как уничтожением биосферы, той самой окружающей среды, которую мы разделяем со всеми другими земными существами. Тем не менее обратной стороной этой критики становится парадоксальное высокомерие и мнимое всемогущество человеческих существ: «почему мы уничтожаем природу?» — «потому что можем!». Не является ли поэтому сама по себе идея «антропоцена» антропоцентрической? В 2020 году эта заносчивость оказалась разрушена благодаря бесконечно малой нечеловеческой вещи, которую даже нельзя назвать в полной мере живой. С человеческой точки зрения, вирус колеблется между жизнью и смертью. Его способ размножения нарушает существование наших сообществ и подвергает опасности все наши инфраструктуры и социально-экономические системы. Пандемия учит нас тому, что мы не всемогущи, а также тому, что по-прежнему существуют природные силы, не подвластные нашему контролю. Более того, эта ситуация демонстрирует, что природное и социальное представляют собой не оппозицию, а конкретное единство. Климатические изменения, пандемия и социальный коллапс, который сегодня приводит к спонтанным протестам не только в Соединенных Штатах, но и в других странах мира, создают процессуальную композицию, которая не

может быть воспринята отдельными позитивными науками. Она требует синкретического геофилософского подхода: мы должны обнаружить неочевидные на первый взгляд истоки этих феноменов, которые могут быть прослежены до таких разнообразных факторов, как добывающая промышленность, рассматривающая Землю и природу в качестве полезных ресурсов, колониализм, использующий в качестве полезных ресурсов народы и территории, и капитализм, превращающий в полезные ресурсы абсолютно все. Это движение восходит от экономики и политики к космологиям, мифам и антропологическим инвариантам, к структурам или сознанию, а также к бессознательным структурам человеческих и нечеловеческих существ.

Несмотря на то, что новые материалистические подходы основаны на радикальной критике философии природы, они ее вовсе не отменяют (некоторые авторы все же пытаются это сделать, однако в своем эдипальном остервенении они не замечают того, что пилят сук, на котором сами же сидят). Напротив, именно возвращение философии природы является одной из наиболее ярких тенденций современной теоретической ситуации. Философия природы обретает новые смыслы в процессе своего критического переосмысления и обнаруживает в себе возможность альтернативных прогрессивных прочтений. Появляются нетривиальные связи и параллели с новыми материализмами — от атомизма Демокрита и Эпикура или Лукреция, философии природы Шеллинга и философии природы Гегеля до нового материализма Маркса, призывающего перейти от критики неба к критике земли. В этом интеллектуальном обмене между историческими и современными понятиями возникают новые политические теории, а старые — теории республики, демократии и коммунизма — трансформируются. Такие связи и параллели стали главным предметом нашего специального выпуска.

*Оксана Тимофеева*